

«Не хлебом единым...» (Отступление шестое)

В августовском, 1956 года, номере «Нового мира» начали печатать «Не хлебом единым» Владимира Дмитриевича Дудинцева. В ней рассказывалось о нелегкой судьбе изобретателя, пробивавшего и не пробившего через бюрократов в сталинские времена, они прямо не обозначены, но легко угадываются, очень необходимое для страны изобретение. Я уже не помню, что это было такое – то ли новый огнетушитель, то ли еще что – неважно. Важно другое: в процессе борьбы у героя возникает роман с женой того человека, от кого зависит судьба изобретения, затем тайное становится явным, следует лживый донос обманутого мужа в органы, приговор, лагерь. И апофеоз: смерть Сталина, реабилитация. Но поздно, жизнь разбита, здоровье подорвано, изобретение не реализовано. В итоге – инфаркт и смерть. В общем, печальная история.

Повесть Дудинцева взорвалась бомбой. Как это у нас зло побеждает добро?

– В советской стране такое невозможно! – вопили одни. И верно. Еще три года назад в литературе царствовали «бесконфликтность», теория противопоставления хорошего совсем уж отличному, и нате вам...

– В советской стране и не такое происходит! – резонно возражали с другого фланга.

За что им сразу прикрепляли ярлык «очернителей».

Весьма посредственная книжка стала сенсацией, не литературной – политической, по своему общественному резонансу даже созвучной с «Архипелагом ГУЛАГ» Солженицына. Сторонники и противники Дудинцева схлестнулись не на жизнь, а на смерть. Противники оказались сильнее, они контролировали и идеологический аппарат, и прессу. Но и сторонники не сдавались, они рассчитывали на поддержку отца. Но тут грянули события в Венгрии, и отец оказался в стане противников. Ему казалось, что лодка нашей государственности раскачивается слишком сильно, если не принять меры, можно и опрокинуться.

Не скажу, что повесть отцу понравилась. Ему, поклоннику Льва Толстого и Николая Лескова, импонировали произведения иного стиля, но и у Дудинцева некоторые места показались ему очень сильными. В одно из воскресений, уже осенью, помнится, листья с деревьев почти облетели, они с Микояном, гуляя по окружавшим их соседствующие дачи перелескам, заговорили о Дудинцеве. Даже не столько о нем самом и его произведении, сколько о вызванном повестью «возбуждении умов в Москве». Отца оно настораживало. Микоян, ему повесть однозначно нравилась, успокаивал отца: «Он прямо тебя подслушал, Никита, вспомни, как он пишет о бюрократах, гробящих новаторов, и изобретателях».

– Верно, все верно, – соглашался отец, – написано правдиво и очень остро, но я критикую с целью устранения недостатков, указываю пути их преодоления, а Дудинцев те же недостатки смакует.

– Но ты же стоишь во главе государства, а он писатель, – возражал Микоян.

– Так-то оно так, – соглашался отец, и тут же возражал, – но сам, не желая того, он превращается в рупор наших врагов, в глазах реакционной заграничной прессы становится героем, борцом против Советского государства.

Дальше отец заговорил о «Кружке Петефи», события в Венгрии осенью 1956 года накладывали свой отпечаток на все происходившее у нас в стране. Микоян слушал отца, не возражая. Я, естественно, не вмешивался в разговор старших.

– Мы не можем, прикрываясь тем, что происходит демократизация нашей жизни, оставаться нейтральными, – продолжал отец. – Мы же не зрители, а руководители, и потому обязаны направлять процесс.

Микоян кивнул головой. К Дудинцеву они больше не возвращались, заговорили о каких-то на тот момент более важных делах.

Через несколько месяцев отец повторит свою оценку «Не хлебом единым» на встрече с писателями в ЦК КПСС. Повторит почти слово в слово. Наверное, он высказывался в подобном духе и ранее.

Почувствовав его поддержку, идеологи из ЦК приняли меры. Дудинцева поприжали, гайки подзакрутили, правда, ненадолго. Вскоре наступило новое «потепление», повесть Дудинцева напечатали стотысячным тиражом отдельной книгой. Такое «тянитолкайство» отражало суть происходившего в те годы. Отец реформировал страну, но так, чтобы ее не разрушить. Вот и приходилось маневрировать.